

Бюро для гостиной Хилл-Хаус, 1904 год

Зеркало для китайской чайной комнаты на Ингрэм-стрит, около 1900–1901 годов

Трафарет для украшения стен спальни Хилл-Хаус, 1904 год

Кресло для Ивовых чайных комнат, 1903–1904 годы

Стул для гостиной Хилл-Хаус, 1904 год

лась выставка. Речь не о срыве российско-британского года культуры — это, в сущности, дипломатический пустяк в сравнении с весенним пожаром в Школе искусств Глазго, уничтожившим самую большую — во всех смыслах — архитектурную удачу Макинтоша и, как считается, самый большой ансамбль модерна, что не превратился в мертвый памятник стиля, а использовался по своему функциональному назначению. Грандиозное асимметричное строение из темного песчаника и стекла, кажущееся гибридом старинного шотландского замка и передовой фабрики, всем своим обликом словно бы говорило, что поставит на конвейер производство выдающихся художников. Его, конечно, восстановят, но это будет уже не то, хоть и не до такой степени «не то», как многочисленные современные новоделы, тщательно воспроизводящие нереализованные проекты Макинтоша. Конкурс на проект нового здания школы, из которой вышла вся «школа Глазго» — как потом станет ясно — с Макинтошем в первом ряду, он выиграл в 1895-м, строительство по финансовым причинам растянулось на десять с лишним лет и было завершено лишь к 1909-му. То были годы признания: лестные отзывы

немецких и австрийских критиков; успех шотландского павильона на Международной выставке современного декоративного искусства в Турине — первом празднике нового стиля; победа в конкурсе на проект «Дома любителя искусства», объявленном дармштадским издателем Александром Кохом; выгодные заказы. Но заказчиками выступали в основном состоятельные эстеты из его родного Глазго — Лондон же принял шотландца, ныне именуемого не иначе как «крупнейший представитель британского art nouveau», более чем прохладно, подтверждая библейскую истину о пророке в отечестве своем. Вот и в кремлевской ретроспективе должны были участвовать — мебелью, обстановкой гостиных и чайных, а также афишами, рекламными плакатами и трафаретами для нанесения орнаментов на стены — одни только музеи Глазго и Эдинбурга. Но теперь — взамен сгоревших вещей из Школы искусств Глазго, которые все же включают в каталог-некролог, — в Москву везут экспонаты из Музея Виктории и Альберта и Музея искусств Хиды Такаяма, ведь в Японии собрался еще один клуб поклонников Макинтоша. Вернее, это Макинтош был

поклонником Японии, что, к примеру, готово подтвердить бюро из гостиной Хилл-Хауса, похожее на расправленное кимоно. Поклонником рационализма и простоты японского интерьера, к вертикалям и диагоналям которого ему удалось столь органично привить растительные орнаменты. Кстати, о пророках: в этих по-японски рациональных и аскетичных интерьерах Макинтош предстает чуть ли не пророком функционализма (при этом в «большой» архитектуре, вдохновленной шотландскими замками, он предстает скорее романтиком-ретроградом, и это какое-то парадоксальное раздвоение личности). Пророков нередко изображают слепыми — в 1910-е Макинтош начал терять зрение и после Великой войны почти ничего не проектировал. Да и вообразить его, угонченного эстета-индивидуалиста, создателя неповторимого дома для неповторимого человека, в роли проектировщика жилмассивов все же сложно. В последние годы, омраченные борьбой с раком и бедностью, он писал пейзажи — их тоже выставят. Как последнее прости прекрасной эпохи.

Одностолпная палата Патриаршего дворца Московского Кремля, до 9 ноября